

Владимир Горбань

Пилули от хандр

Сборник избранных иронич
и юмористических расска

Владимир Владимирович Горбань

Пилюли от хандры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17209148

ISBN 9785447454111

Аннотация

«Пилюли от хандры» – третий сборник избранных иронических и юмористических рассказов Владимира Горбаня. Это своеобразный антикризисный проект автора, его вклад в борьбу за мировое господство веселого, бодрого настроения над грустным, подавленным состоянием души, которое частенько проявляется именно в периоды кризиса. Кризиса не только экономического. В сборнике 32 пилюли. Они рассчитаны на разные случаи жизни. Принимать их можно без рецепта врача и в любое время...

Содержание

Вместо предисловия	5
Вундеркинд	6
Ох, уж этот ремонт!	8
Унификация	10
Сорок бочек корвалола	12
Не французское бритье	15
Когда три раза по двести	17
Ночной визит	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пилюли от хандры
Сборник избранных иронических
и юмористических рассказов
Владимир Владимирович Горбань

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Разрешите представиться – Владимир Горбань, весьма пожилой (год жизни в России следует принимать минимум за два) журналист и писатель.

Любой человек, даже самый жизнерадостный и веселый, время от времени испытывает подавленное состояние. Так уж, увы, устроена наша повседневная жизнь с ее бесконечными проблемами, стрессовыми ситуациями, различного рода неприятностями...

Бороться с такими противными житейскими моментами можно разными способами. Один из них – чтение на ночь веселых рассказов, остроумных баек и смешных анекдотов. Смех вырабатывает в организме эндорфины – особые гормоны счастья, которые помогают избавиться от раздражения и грусти, тоски, печали, мрачного настроения и меланхолии.

Даже если вы просто вспомните на минутку, как недавно смеялись, настроение значительно улучшится. Исследования британских психологов показали, что после прочтения смешного рассказа в среднем уровень раздражения у человека снижается в 1,8 раза. Прочтение короткой юмористической повести снижает раздражение в 3,2 раза. Ну, а целая книжка давала невероятный эффект – 11,7 раза!

Более того, настроение испытуемых поднималось от одной мысли о том, что скоро они будут смеяться. Так за трое суток до предстоящего прочтения смешного рассказа они сердились в два раза реже, чем обычно.

Кроме того:

Смех оздоравливает сердце. Благодаря смеху расширяются кровеносные сосуды, и кровь лучше циркулирует. Десять минут смеха могут существенно снизить кровяное давление и уменьшить риск возникновения холестериновых бляшек.

Смех снимает боль. Гормоны счастья эндорфины, которые вырабатываются, когда человек смеется, являются еще и естественными болеутоляющими веществами. Наблюдательные врачи давно заметили, что пациенты, которые настроены позитивно и находят в себе силы смеяться, переносят боль гораздо легче тех, кто грустит.

Смех развивает легкие. Смех – одно из лучших упражнений для людей, страдающих астмой и бронхитом. Во время смеха деятельность легких активизируется, и таким образом увеличивается поступление кислорода в кровь, что позволяет прочистить застой мокроты.

Смех улучшает кожу. Если вы часто смеетесь, можете забыть о дорогих лечебно – косметических процедурах для улучшения кожи, потому что смех тонизирует мышцы лица и улучшает циркуляцию крови, благодаря чему появляется естественный румянец.

Смех укрепляет отношения. Способность смеяться вместе чрезвычайно важна для установления хороших и добрых отношений. Связь людей и их общее представление о том, что может быть смешным, позволяет им быть более открытыми друг с другом.

Смех повышает иммунитет. Смех помогает бороться с инфекциями. После минуты искреннего смеха организм выбрасывает в дыхательные пути большое количество антител, которые защищают от бактерий и вирусов.

Не верите на слово? Тогда проверьте на себе!

Вундеркинд

Петя Жувачкин рано утром разбудил своего папу и озадачил вопросом:

– Ты помнишь, какое сегодня число?

– Ну? – буркнул Жувачкин – старший. – А что?

– Между прочим, сегодня 30 августа, – Петя с укоризной посмотрел на папу.

– Ну?

– Через два дня мне идти в школу.

– И что?

– В третий класс, между прочим.

– И что?

– А то, что мы еще не все купили к школе.

– Неужели? – удивился Жувачкин – старший. Последний месяц они с сыном регулярно по выходным дням ездили на школьный базар. И методично выбирали все необходимое: ранец, дневник, тетради общие, тетрадки в линию и в клетку, авторучки, простые и цветные карандаши, линейки, треугольники, ластик, закладки для книг, обложки, пеналы, циркули, ножницы, точилки для карандашей, акварельные краски, гуашь, кисточки, скрепки, транспортир, фломастеры, контурные карты, блокнотики и прочие школьные принадлежности.

– Как не все? – испугался Жувачкин – старший и принялся быстро одеваться.

– А утреннюю зарядку кто будет делать? – строго спросил Петя.

– Ой, забыл, – Жувачкин – старший принял упор лежа и с трудом, кряхтя, громко сопя и обливаясь потом, принялся отжиматься от пола.

– Спинку выровняй, скомандовал Петя, – указательным пальцем правой руки поправляя огромные очки. – А на завтрак у нас сегодня манная каша.

– У – у – у! – закапризничал Жувачкин – старший. – Опять – каша.

Они вышли на улицу, но Петя повел отца не на автобусную остановку, а совершенно в другом направлении.

– Мы куда? – удивился Жувачкин – старший.

– В аптеку, – заявил Петя и прибавил ходу.

Женщина в окошке зевала от скуки.

– Здравствуйте, – холодно произнес Петя, – мне нужен гидрид трехвалентного азота.

– Чего? – глаза у аптекарши полезли на лоб. – Какого азота?

– Иначе говоря, мне нужен водный раствор аммиака.

– Че – че – го? – еще больше удивилась женщина.

– Иначе говоря, мне нужен нашатырный спирт, – строго заявил Петя, – пятипроцентный раствор.

Аптекарша отошла от прилавка, сраженная химическими познаниями ребенка, долго рылась, вздыхая, в каких – то шкафчиках и ящичках. Наконец она вернулась и протянула Пете маленький пузырек.

– Это? – спросила аптекарша приглушенным голосом, потупив глаза.

Когда они вышли на улицу, Жувачкин – старший с гордостью посмотрел на сына. Петя достал из кармана пузырек и, слегка потряхивая им, произнес:

– Если сюда добавить двадцать два микролитра циклопентапергидрофенантрена, то получится уникальное средство для сведения чернил с бумаги.

– Да? – удивился Жувачкин – старший. – И что?

– Этим средством я легко смогу выводить двойки в дневниках.

– Так у тебя же нет двоек! Или? – отец с подозрением взглянул на сына.

- У меня – нет, – Петя аккуратно поправил очки. – А у моих одноклассников их – море. За каждую сведенную в дневнике двойку они мне платят по пять рублей.
- Ого! – воскликнул Жувачкин – старший.
- А то, усмехнулся Петя. – А на какие шиши я прошлой осенью тебе ноутбук купил?!

Ох, уж этот ремонт!

Квартирный ремонт – это ужас ужасный. Особенно если у тебя имеется множество родственников, страстно желающих тебе безвозмездно помочь и которым невозможно отказать в их этом маленьком удовольствии. И среди них дядя Леша, Зоя Степановна, дядик Борик и кузен Прохор Иванович с супругой.

– Ты собрался клеить обои? – наперебой спрашивают многочисленные родственники.

– Ну, да, собрался.

– Попроси Зою Степановну, пусть она тебе узорчик обаятельный подберет.

– Да я как – nibудь сам.

– Что ты, что ты! Ни в коем случае сам! Зоя Степановна отработала тридцать лет секретаршей в райкоме партии! У нее безупречный вкус!

В итоге покупается шпалера ядовито – зеленого цвета с желтыми ромашками. Вместо восьми рулонов дорогих обоев шестьдесят четыре рулона дешевых, которыми можно обклеить вдоль и поперек не только двухкомнатную квартиру, но и две солдатские казармы. Ужас!

– Ты уже наклеил обои? – наперебой спрашивают многочисленные родственники.

– Попросил дядю Лешу! Он тридцать лет отработал на металлургическом заводе! Он все умеет делать своими руками.

Еду в магазин, покупаю новые обои. Возвращаюсь домой, на лавочке у подъезда сидит и щурится на солнце незабвенный дядя Леша.

В итоге обои прилеплены криво и вот – вот с шумом обвалятся на пол. Ужас!

– Ты собираешься кухню выкладывать кафелем? – наперебой спрашивают многочисленные родственники.

– Ну, да.

– Тогда тебе не обойтись без дядика Борика из Ростова! Непременно позвони ему и пригласи. Дядик Борик тридцать лет отработал шофером у директора макаронной фабрики. У него огромные связи! – наперебой советуют многочисленные родственники.

– Причем тут связи?

– Ну, как же. Ну, как же. Ты что, идиот?!

В итоге приезжает дядик Борик из Ростова, три недели пьет беспробудно водку на кухне, ежедневно затевает скандалы с соседями и напоследок им же по дешевке распродает весь кафель. Ужас!

– Я тебе со своей Веркой ремонт в три счета сбачаю! – предлагает кузен Прохор Иванович. – Я как – никак двадцать пять лет на продовольственной базе работаю! За полцены сбачаю тебе ремонт! Только ты под ногами не крутись. Поезжай спокойно в санаторий, отдыхай за милую душу. Недели через три ты свою квартиру не узнаешь! Гони ключи, интеллигент!

Отдаю ключи, уезжаю в санаторий, спокойно отдыхаю. Возвращаюсь домой в родную квартиру и хватаюсь за сердце. Действительно, квартиру не узнать! Оконные рамы выкрашены в ядовито – зеленый цвет, плинтусы яркого желтого цвета, косяки и притолоки малиновые, потолок синий, полы розовые, обои оранжевые, двери темно – серые. Ужас ужасный!

– Ты уже звонил тете Люсе из Нижнего Тагила? – наперебой спрашивают многочисленные родственники, потирая шаловливые руки.

– Нет уж, спасибо, я как – nibудь сам.

– Она дико обидится, узнав, что ты без нее повесил люстры. Тетя Люся тридцать лет была замужем за оперным певцом. Она в советские времена два раза за границу ездила. В Болгарию.

– Спасибо, я подумаю...

– А Анатолию Павловичу?

– Нет! Да и зачем?

– А кто тебе починит новый плазменный телевизор?

– Анатолий Павлович?

– Он, он – голубчик. Анатолий Павлович войну прошел. Такого в жизни повидал! Звони ему срочно! Он большой специалист по починке примусов и керогазов. Звони, не стесняйся. Мы же свои, мы же родственники!

– Ты уже отремонтировал лоджию? – наперебой спрашивают многочисленные родственники.

– Да!!!

– Жаль. Надо было привлечь материного зятя двоюродного племянника соседа со снохой старшего сына...

Квартирный ремонт – это ужас ужасный! И пережив его, живешь, затаив дыхание, до следующего ремонта! Иногда с дикими криками просыпаясь по ночам...

Унификация

Я тут недавно иду по базару, шапку в зиму выбираю. Хочется, чтоб не дорогая и грела. хожу по рядам, экземпляр себе подходящий выискиваю. Чтоб и с мехом был, и чтоб люди не угорали над норкой собачьего качества. Глазею по рядам, щупаю, к голове пристраиваю. И, вдруг вижу мужик рядом ерунду какую – то продаёт. С виду – самогонный аппарат. Подхожу ближе, интересуюсь:

– Это что же вы такое, папаша, продаёте? И как вам не стыдно?

А он улыбнулся по – гагарински и молвит:

– Это, молодой человек, не что иное, как машина времени. Или, научно выражаясь, портативный адронный коллайдер. Последняя модель! Чистая медь!

– Неужели? И почему?

Мужик назвал цену. Оказалось, недорого. Сопоставимо с кроличьей шапкой.

– И что ж, – спрашиваю, – на батарейках работает или от сети?

– И так, и так, – отвечает мужик, хитро щурясь, – вот техпаспорт. Гарантия два года.

Купил я коллайдер, припёр домой. Изучил инструкцию. Да там и изучать – то нечего. Циферблат и две кнопки. Нажимаешь красную, отправляешься в будущее. Ну, а чёрную – назад в глубь веков.

Купить – то купил, а пользоваться страшно. Заманчиво, конечно в будущем побывать. Это для меня как на Канары слетать. Да и в прошлом любопытно попристутствовать. С Пушкиным, например, покалякать. Но страшно – жуть.

А тут как раз у друга юбилей. Но с пустыми руками неудобно, ей богу. Ну не галстук же ему дарить, юбилей всё – таки!

Прихожу к другу. Гостей полно, все уже за столом сидят, меж ног коробки с подарками держат. Тут Серёга, друг мой и говорит:

– Ну, что, кажись, все собрались, давайте начинать.

И пошло – поехало. Смирновы подарили электрочайник, Петровы – кофейный сервиз, Иван Семёнович постельное бельё, Зинаида Степановна банный халат, Сидоровы подарили деньгами.

Тут очередь доходит до меня. Я и говорю спокойным голосом:

– Дорогой ты наш, Сергей Сергеевич, уважаемый... и всё такое прочее. Хочу поздравить тебя с юбилеем, пожелать здоровья и всех благ и подарить... машину времени.

У Ивана Семёновича чуть рюмка из рук не вывалилась от удивления, Зинаида Степановна ойкнула своим меццо – сопрано, у Смирновых, Петровых и Сидоровых глаза на лоб полезли.

– Это последняя научная разработка нашего военно – промышленного комплекса, – добавил я с пафосом, – другими словами – портативный адронный коллайдер. Чистая медь!

И достаю аппарат из коробки. Он блесит и сияет и производит сумасшедшее впечатление. Короче говоря, лихо я избавился от непродуманной покупки.

А совсем недавно иду по базару, шапку себе в зиму выбираю. Такую, чтоб не слишком дорогая и чтоб не мёрзнуть в ней. Хожу по рядам, подходящий себе экземпляр выискиваю. Чтоб с мехом норки был, а то люди не поймут, угорать будут. Рыскаю по рядам, товар на ощупь пробую, к голове примеряю. И вдруг, вижу, мужик рядом какую – то знакомую ерунду продаёт. С виду – портативный адронный коллайдер. Подхожу ближе, интересуюсь:

– Это что же вы, папаша краденный машины времени продаёте? Как вам не стыдно?

А мужик испугался и по – детски и молвит:

– Да это, гражданин – начальник, не что иное, как самогонный аппарат. Или, научно выражаясь, портативный дистиллятор. Последняя разработка! Чистая медь!

– Неужели? А почему так похож на адронный коллайдер?

– Ах, в этом смысле, – улыбнулся по – гагарински мужик, – так это мы в нашем НИИ пошли по пути унификации всех разрабатываемых приборов. Корпуса у них у всех одинаковые, а начинка разная. Это снижает затраты. Мы в таком корпусе производим и холодильники, и скороварки, и мангалы, и даже стиральные машинки.

– А это, значит, самогонный аппарат?

– Безусловно!

– А как работает? На батарейках или от сети?

– И так и так. Вот техпаспорт. Гарантия два года.

Мужик назвал цену. Оказалось, не дорого. Сопоставимо с кроличьей шапкой.

Купил. Пользуюсь без всякого страха. И никому дарить не собираюсь.

Сорок бочек корвалола

– Петрович! – звонит мне однажды Юрий Михайлович, редактор и владелец одного неприметного издательства, так сказать, широко известного только в узких литературных кругах.

– Чего? – спрашиваю спросонья.

– Ты бы мог сегодня к обеду приехать ко мне? Нам надо бы предметно поговорить насчет твоего романа «Шоковое полнолуние».

– «Роковое полнолуние», – поправил я его недовольным баритоном.

– Да, да, «Роковое», не обижайся, зашиваюсь. Одних полнолуний у меня штук шесть. Есть еще новолуния, безлуния, серповидные месяцы и прочая дребедень в огромном количестве. Так что, Петрович, подъезжай, чайку зеленого шмальнем, молодость бесшабашную вспомним, а заодно и о романе твоём, кстати, очень хорошо поговорим. Я жду?

– Жди! – крикнул я в трубку и отключил мобильный телефон.

«Роковое полнолуние» я написал по совету Юрия Михайловича, семь недель, не разгибаясь, просидел за компьютером, старательно выводил образы героев, закручивал сюжет, шлифовал каждую строку. Но детективный жанр – не моя стихия. Веселые новеллы у меня сочиняются гораздо лучше. Вот только печатать их издательства не берутся.

– Привет, Петрович! – редактор, грузный мужчина пятидесяти лет встал из – за стола и с неподдельной улыбкой двинулся ко мне навстречу, широко раскинув руки. У порога он меня крепко обнял. – Рад, очень рад, дружище! Давненько не виделись! Давненько не чаевничали, не дискутировали!

– Три недели.

– Ну, сейчас время такое, скоротечное. Сейчас и неделя – целая вечность! Проходи, присаживайся, сейчас мы чайку всласть накатим. Мне один прозаик, вернувшись недавно из Китая, пару пачек отличной заварки притаранил!

Зеленый чай я терпеть не могу! Но на какую только лютую казнь не согласишься, чтобы на короткой ноге пообщаться с редактором.

– Прочитал я твое «Полнолуние», – серьезным тоном произнес Юрий Михайлович, – вчера только закончил. Все дела бросил, тобой занялся. Мы же с тобой давние друзья, верно?

Я внимательно слушал. Роман мой был, откровенно говоря, графоманским. Писал я его не от души, а ради денег. И готов был выслушать подобающую критику спокойно, без гневных авторских эмоций.

– Пишешь, старик, хорошо, – улыбнулся редактор, пригубивая чай из симпатичной голубой чашки тонкого фарфора. – Вкусно пишешь, сюжет оригинальный, герои у тебя живые, любовь – морковь, ирония, мысли свежие – все очень даже здорово!

Я тоже из свойственного мне приличия отглотнул чаю. И даже показался мне он не таким противным, как в прошлый мой визит в издательство.

– Но, старик, все это хорошо для нас с тобой, для, так сказать, культурного, избалованного образованием читателя. Для тонкого слоя ценителей и почитателей художественной литературы.

– «Роковое полнолуние» – художественное произведение? Михалыч, не смей мои больные коленки! Это банальная халтура, обычный ширпотреб!

– Нет, это не ширпотреб, – редактор погрустнел, – ширпотреб – это другое.

– Неужели?

– Не веришь? Вот у тебя в романе сколько убийств?

– Два.

– А погонь за преступниками?

– Вообще нет.

– То – то и оно, старик! То – то и оно! Не дотягиваешь ты до ширпотреба! Сильно не дотягиваешь! Крови мало, ужасов мало, волосы дыбом не встают!

– И что делать?

– Вот, правильный вопрос, старик, задаешь! Именно на эту тему я и хотел с тобой поговорить. Роман у тебя хороший. Но не в десятку! А так, в семерочку. Ты над ним еще недельку поработай, добавь пяток убийств, троечку погонь с перестрелками, в общем, пополни текст страшилками. Читатели это любят.

– Хорошо, я попробую.

– Вот и молодец, – редактор удовлетворенно вздохнул, – молодец, старик. Правильно воспринимаешь мои советы. А то некоторые авторы чуть что – сразу на дыбы встают. Сразу в драку – собаку лезут! И вот еще что, ты измени название романа. Назови его как – то оригинальнее. Как – то более запоминающимся. Ну не тебя мне учить! Лады?

– Лады!

Неделю я корпел над романом. Добавил восемьдесят семь убийств, сорок четыре погони и двести тридцать три перестрелки. В романе появились серийный маньяк – людоед, следователь с экстрасенсорными способностями, главарь мафии – одноклассник и друг губернатора. А также проститутки, коррупционеры, сумасшедшие, больные СПИДом, бомжи, охранники атомной электростанции. Кровь лилась на каждой странице, как пиво в баре! Измены, предательства, продажная любовь, промышленный шпионаж, природные бедствия, подрывы жилых зданий и стратегических объектов. Покойников обливали серной кислотой, закатывали в бетон, сжигали в печах, прах некоторых из них развеивали с вертолетов. Я не щадил читателя, обильно кошмарил его на каждой странице романа. И название своему произведению я придумал соответствующее – «Сорок бочек корвалола». Перечитывал и рыдал.

Роман я отправил редактору по Интернету. И уже через пару дней меня разбудил его звонок.

– Петрович, – голос у Юрия Михайловича был подавленным, – я прочитал твой роман.

– И как впечатление?

– Ну, ты и зверь, старик! Ну, ты и навертел! Я чуть в штаны не наложил от страха! Я корвалол пил стаканами!

– Значит, понравилось?

– Ну, скажем так, очень впечатлило.

– Напечатаешь?

Редактор замолчал и с минуту я в трубке слышал его задумчивое сопение.

– Старик, не обижайся, я это издавать не стану.

– Почему? – усмехнулся я.

– Ну, как тебе сказать. Ты же знаешь, у меня две дочери, внуки уже школьники. Как же я могу такую жестокость издать?! Я же не зверь! Всему же есть предел, старик!

– То есть, опять не ширпотреб?

Редактор вновь замолчал. Мы знакомы тридцать лет, и я хорошо понимаю его. Юрий Михайлович вынужден публиковать не то, что по его оценкам является художественной литературой, а то, что имеет массового читателя и соответственно коммерческий успех. Он не может и не должен работать себе в ущерб.

– Слушай, старик, я вот сейчас о чем подумал. В прошлом году ты мне давал читать свой роман об апостоле Андрее. Ты его уже где – то опубликовал?

– Нет. Куда я только не обращался – не берут. Не ширпотреб!

– Пришли мне его. Знаешь, век воли не видать, напечатаю! Не все же мне ширпотребом заниматься. А ты, Петрович, свои «Роковое полнолуние» и «Сорок бочек корвалола» больше

никому не показывай. Не позорься. И больше не пиши по заказу! Пиши только по вдохновению, по зову души! Пусть даже и в стол, старик...

Не французское бритье

Эта увлекательная история произошла в конце 80 – х годов XX века в одном из институтов Академии наук СССР, в котором я тогда работал младшим научным сотрудником в лаборатории генетики микроорганизмов. Времена были сложными, дефицит товаров был повальным, а очереди в магазинах запредельными. Страну отчаянно лихорадило, но я был молод, бесшабашен, чересчур увлечен фундаментальной наукой и многих неудобств той жизни просто не замечал...

Работа в институте и подготовка диссертации – увлекательный процесс, который занимал фактически все время, кроме сна. И в институте доводилось буквально дневать и ночевать...

В тот февральский день я покинул лабораторию около полуночи. Как и положено, запер дверь, опечатал ее, а ключ под запись сдал вахтеру. На следующее утро пораньше приехал в институт. Ключа на вахте не оказалось. Я поднялся на третий этаж. У двери в лабораторию стоял наш шеф Валерий Иванович, доктор наук, профессор. Ему было чуть за пятьдесят, но мне он казался тогда очень старым человеком. Зачем он приперся в 7—30 на работу? Ученый совет начинался в 10—00...

Валерий Иванович стоял у двери в дубленке и шапке и был крайне раздражен. За дверью мяукал котенок.

– Где тебя черти носят? – рявкнул завлаб. – Ты последним вчера из лаборатории уходил? Доставай ключ!

– А у меня нет ключа. Я его на вахту сдал.

– Нет там ключа! Вы – молодежь – совсем уже офонарели! Ни порядка! Ни дисциплины! Где ключ?!

– Не знаю.

– А кто знает?!

Котенок, рыжий шkodник отчаянно мяукал за дверью.

– Где ключ?! – завлаб пришел в ярость.

– Не знаю.

– Спускайся в подвал к Егорычу, плотнику, возьми у него топор и ломай к чертовой матери дверь!

Я поперся в подвал. Минут десять разыскивал Егорыча. Потом еще минут десять уговаривал его дать мне топор. Даже сулил мензурку со спиртом, хотя Егорыч и был не пьющим... Наконец – то я уговорил плотника, человека для меня запредельно старого, участника Великой Отечественной войны...

Поднялся на этаж, многие сотрудники уже приехали на работу и с удивлением косились на топор. Валерий Иванович был еще зол, хотя все знали, что он весьма отходчив.

– Что так долго ходил?

– Егорыч топор не хотел давать.

Котенок жалостливо запищал.

– Ломай дверь! – рявкнул Валерий Иванович.

Я занес над дверью топор. Но как ее ломать?

И тут в конце коридора, расшаркивая больными ногами, переваливаясь с боку на бок, появилась Кузьминична, уборщица. Завидев меня с топором, она заголосила:

– Ба – а – тюш – ки! Погодь! Погодь, сынок!

Кузьминична подбежала, лицо у нее было красным от натуги. Из кармана синего рабочего халата она достала ключ от нашей лаборатории.

– Это я виновата! – созналась Кузьминична. – Я пришла пораньше, мне внука в детский сад отводить. Я такая затурканная! Такая затурканная! Полы помыла, а ключ на вахту сдать забыла. Пришла домой, а ключ в кармане. Вот бежала, как паровоз!

Валерий Иванович взял у нее ключ, открыл дверь, вошел в лаборатории. Я последовал за ним. Завлаб взял на руки котенка, принялся его гладить и сразу подобрел. Я разделся, положил топор на свой письменный стол и удалился в курилку. Минут через пятнадцать вернулся в лабораторию. Валерия Ивановича уже не было, он отправился в библиотеку. Но явились две лаборантки, Галя и Оля. Обе они стояли возле моего письменного стола и с ужасом рассматривали топор.

– Что это? – испуганно спросила Галя.

– Топор.

– А зачем он здесь?

Мне захотелось пошутить, и я ответил:

– Да вот, понимаешь, лезвия бритвенные в магазинах пропали.

– И что?

– А ничего страшного. Вот топором побрился. Это, конечно, не французское бритье, но все же...

Глаза у Гали и Оли, как говорится, вылезли на лоб...

Я взял со стола топор и понес его обратно в подвал Егорычу. Вернулся, Галя с Олей за микробиологическим боксом пили чай. Они не видели меня, но я их хорошо слышал. Галя сказала Оле:

– Скоро 23 февраля, мужской праздник.

– Ну, да, согласилась Оля.

– Надо бы Владимиру какой –нибудь бритвенный набор подарить!

– Зачем?

– Ну, как же! Интеллигентный человек и топором бреется!

Потом эта хохма долго в виде байки ходила по институту...

Когда три раза по двести

– В общем, так, – Ленка заглянула в листочек, – в этом доме нам нужно отработать заказ. – Второй подъезд, тридцать вторая квартира.

Ленка – моя напарница. Вернее, я ее напарник. Мы с ней подрабатываем на различных увеселительных мероприятиях. Ну, там всякие дни рождения, юбилеи фирм, корпоративные посиделки, свадьбы... А в декабре, естественно, главный праздник – Новый год. Я – дед Мороз, она – Снегурочка. Костюмы берем напрокат, остальное – дело техники, как учили нас в театральном институте.

– Ну, ты двигаешь валенками что ли? – буркнула Ленка. – У нас сегодня после тридцать второй еще два заказа. И оба на другом конце города!

– Да, иду я, иду!

Ленка – большая умница. У нее организаторский талант, умеет она заказы чуть ли не изпод земли добывать. Если бы не она...

– Мешок с подарками не забыл? – Ленка придирчиво осмотрела меня с ног до головы. – Шапку поправь! Машину закрыл?

Подходим к подъезду. И вдруг непонятно откуда появляется какой – то тип в старом полушубке и без головного убора, с виду председатель колхоза, пялится на нас и говорит:

– Шабашите? Кто из вас главный? С кем мне договариваться?

– О чем? – спрашивает Ленка. Она главная, ей и карты в руки.

– Да вот хочу я деда Мороза и Снегурочку сегодня к себе пригласить. Детишек хочу порадовать.

– А мы заняты сегодня, – Ленка – мастер набивать цену. – Вы, дядя, какими денежными средствами располагаете?

Я схватил ее за руку, потянул вперед, мол, не стоит связываться, дел и так за гланды, а всех денег не заработаешь.

– А сколько вы хотите? – усмехнулся тип, лукаво сощутив глаза.

– Сто долларов в час! – заявила Ленка и тоже лукаво сощурилась.

– Годится! Но мне надо прямо сейчас!

Я еще настойчивее дернул Ленку за руку, мол, не стоит связывать, тип какой – то слишком мутный, вляпаемся в нехорошую историю.

– Тогда двести! – скомандовала Снегурочка. – Ехать далеко?

– Далековато. Но обернемся быстро, я гарантирую. Не бойтесь, не обижу. И заплачу по тысяче каждому.

Услышав «по тысяче каждому», я тут же возгорелся большим желанием порадовать детишек мутного типа, щедро поздравив их с Новым годом.

Мы подошли к его автомобилю. Станный автомобиль, какой – то слишком шарообразный и марка не понятна.

– Да вы не волнуйтесь! – сказал дядя. – Мы ненадолго, туда и обратно!

– Да мы не волнуемся, – усмехнулась Ленка и первой села в автомобиль.

Взревел мотор, автомобиль разогнался до бешеной скорости и взмыл к облакам, а дальше и к самым звездам!

– Мам мия! – закричал я, хватаясь за голову.

Прилетели не понятно куда. То – ли город, то – ли деревня... Мороз трескучий... И снегу вокруг! Сугробы по пояс! Дом тоже непонятный, то – ли кирпичный, то – ли панельный, подъезд обледенелый...

Вошли в квартиру. Так себе квартирка, со всеми удобствами, но ремонт хиленький. Детишки тут – же выбежали навстречу, мальчик и девочка, явно дошколята, стали песенки петь, стишки рассказывать.

– Зовут тебя как? – спросил я девочку.

– D – 362.

– Странное имя! А тебя, мальчик?

– M – 412.

Ну, думаю, бывают чудачки...

– Да вы в комнату проходите, – сказал мутный тип, сбрасывая у порога свой полушубок, – там у нас ёлка установлена... У нас на Марсе все, все как на Земле. Только лететь далековато.

– На Марсе? Мы на Марсе?!

– На Марсе, – загадочно улыбнулся мутный тип. С Новым тебя 2076 годом, дедушка Мороз!

У меня побежали снежинки перед глазами...

– Витёк! Витёк! – Ленка тревожно тормошила меня за плечо. – Ну, ты чего, оклемался? У нас еще три заказа!

– По сто?

– Какие сто? Ты уже три раза по двести выпил! Имей совесть, дед Мороз! Машину вести сможешь?

– А мы уже с Марса вернулись?

– Все понятно с тобой! Машину поведу я! А ты мешок с подарками не забудь, дедушка Мороз!

Вот так иной раз можно заработать! До разного рода чудес...

Ночной визит

Половина четвертого утра. За окном вдруг раздаются пьяные голоса, хрип и ржание коней. Следом раздражающе трезвонит трубка домофона.

– Кто? – зло спрашиваю. – Какого черта?!

Тяжелое сопение в трубку:

– Не кипятись, барин. Это – мы. Дело у нас к тебе на сто рублей!

Ну как тут не заругаться многоэтажным матом?! Как не послать на три и пять букв ночных визитеров?!

– Кто – мы?! Какого черта!

Сопение в трубку, а потом:

– Ну, мы. Я – Алексашка Меншиков. И Петр Лексеич.

– Какой Алексашка?! Какой Петр Лексеич! Вы что старого человека донимаете?! Это – четвертый подъезд! А рюмочная рядом с первым!

– Да мы не в рюмочную! Мы к тебе, барин!

– Да кто мы?! Какого черта?!

– Ну, мы с Петром Лексеичем. Неужто, барин, не признал?!

– Да каким еще, мать его, Петром Лексеичем?! Я сейчас полицию вызову!!!

Сопение в трубке усилилось:

– С Петром Лексеичем Романовым. Государем и императором всея Руси!

– Seriously?

– Ну, да!

Жму на кнопку, впускаю ночных визитеров. Точно, Алексашка Меншиков и Петр – I. Собственными персонами стоят возле входной двери. Оба в длинных зеленых камзолах, шитых золотом, в треуголках, в грязных ботфортах с шенкелями, при шпагах. Оба подшофе, глаза у императора навывкате, горят жгучим скифским огнем, жидкие усы зло щетинятся. Алексашка виновато улыбается, от него прет каким – то самогонным дурманом. Видимо возле первого подъезда он, шельма, уже побывал:

– Признал, барин?

И рассмеялся Алексашка Меншиков радостно. Будто мы с ним в одном полку служили.

– Да... Так точно, – язык мой от крайнего удивления не может ворочаться во рту. Он пристыл к небу. – Вы это... Какими судьбами? Проходите... Ваше величество.

Они вваливаются в прихожую. Романов выше притолоки. Как – никак в нем 6 футов и 7 дюймов роста. Он щурится, я включил от растерянности слишком яркий свет.

– А горница то у тебя, Вальдемар, тесная, – говорит император Петр, неловко нагнувшись и, кряхтя, снимает высокие сапоги. – Один живешь?

– Один.

– Плохо, Вальдемар. Плохо. И зазнобы нет?

– Есть. Но далеко. По ту сторону кордона. Вот комнатные тапки, Петр Лексеич. Обувай, полы у меня стылые.

Император посмотрел на тапки, усмехнулся:

– Да ладно, не загоняйся. Босиком похожу. Коней мы своих у твоего подъезда оставили. Соседи не сопрут?

– Не должны. А там кто их знает?!

Петр Лексеич задумался, а потом с улыбкой говорит:

– Дело у нас к тебе, Вальдемар. На сто рублей!

Я пропускаю его слова мимо ушей. Хорошая шутка. Ну, посудите сами, какие могут быть общие дела у императора с рядовым литератором?! Где я и где он?!

Но император Петр Алексеич заискивающе смотрит мне в глаза.

– Сделаем?

– Дело?

– Ну, да. Соседи сказали, у тебя Интернет есть.

– Есть.

* * *

Три четверти четвертого утра. Мы втроем сидим у меня на кухне. Императору неудобно, тесно за столом. Он сгорбился, поджал свои длиннющие ноги. Шпага упирается в линолеум.

Я предлагаю чаю «Lipton». Ночные визитеры отказываются. Предлагаю кофе «Nescafe», сигареты «Winston». Ничего отечественного, российского у меня нет. Россия уже давно и ничего путного, кроме нефти и газа не производит.

Алексашка Меншиков бузует в маленькую чашку три чайные ложки кофе, бросает туда пять кусочков рафинада, заливает кипятком. И радуется при этом открыто, будто украл. Пьет, обжигая губы, громко причмокивая.

Петр Алексеич берет мою пачку сигарет, подносит к носу, вдыхает:

– А табачок у тебя, Вальдемар, хреновый. Американский? Турецкий? А я вот голландский курю. Хочешь испытать?

Он достает из кармана камзола черную курительную трубку, маленькую позолоченную табакерку и ловко мизинцем правой руки принимается набивать трубку. По кухне разносится приятный запах замечательного табака.

– Петр Алексеич, а мне трубочку не набьешь? – ёрничает Алексашка Меншиков. – Дюже курить хочется!

Во взгляде Императора сверкают молнии. Голос его срывается на бешеный крик. Дрожат стены. Поднимается потолок. Петр Алексеич вскакивает из – за стола:

– Я тебе, подлец, не трубку, а морду за такие слова набью!

И он швыряет в Алексашку табакерку. Плутоватый Меншиков уворачивается. Табакерка летит дальше и попадает в полку с посудой. Громкий хлопок, звон битой посуды. Несколько тарелок вдребезги! Осколки летят в разные стороны. Один из них достигает бесстыжего затылка лукавого царедворца.

Меншиков хватается за голову и начинает театрально изображать боль. Гримасничает, пуча глаза, стонет, притопывает ногами, крутит руками. Проливает на себя кофе:

– Убил! Насмерть убил! Лучшего друга! Соратника! Светлейшего князя!

Мне смешно. Романов тоже улыбается.

Натура у Петра Алексеича по – настоящему русская. Горяч очень. Но и отходчив быстро. Сначала готов человека вздернуть на виселице, а потом решить за что.

– Ну как вы тут без меня поживаете? – интересуется царь Петр, попыхивая трубкой. – Турки не забижают?

Алексашка Меншиков успокаивается, садится за стол и по новой готовит себе кофе.

– Да по – разному, – уклончиво отвечаю я, – да вы, поди, и сами уже все видели.

– Ну, кое – что видели. Хотя темно на улице как у арапа на душе. Ни фонаря, ни факела. И дорога до такой степени разбитая, лошади спотыкаются. При мне в империи гораздо лучше дороги были!

Петр Алексеич опять хмурится, вновь его глаза возгораются злыми огоньками. И он задает неожиданный вопрос:

– Ты с какого года будешь?

– С 1964.

- От рождества Христова или от сотворения Мира?
- От рождества Христова.
- Ну, я, стало быть, немного постарше буду, – печально произносит Петр Алексеич, – я с 1672. Дело у меня к тебе, Вальдемар, на сто рублей ассигнациями!
- Завсегда готов помочь хорошему человеку, – отвечаю.
- Ну, тогда веди, – император встает из – за стола. Где у тебя этот... как его?
- Интернет, – услужливо подсказывает Алексашка.
- Во – во, Интернет, – бормочет Петр Алексеич.

* * *

Четыре часа утра. Веду Петра Алексеича и Алексашку Меншикова в свой рабочий кабинет. Здесь у меня стеллажи с книгами и папками с рукописями, письменный стол с компьютером, пальмы, аквариумы. И узкая солдатская кровать. На ней я засыпаю, когда заработаюсь глубоко за полночь.

Открываю ноутбук. Загорается экран. Заставка – портретное фото моей любимой женщины. Очаровательная и загадочная улыбка на страстных и пленяющих губах. И грустный взгляд больших и выразительных зеленых глаз, смотрящих испод длинных ресниц. Тонкие дуги разлетающихся бровей. Белокурые волосы, спадающие на плечи, закрывающие кокетливой челкой лоб. Родинка справа на нежной шее. Бесконечно милый для меня образ. Радость и печаль, образ ночных грез...

Сочетание счастливой улыбки и грустных, широко раскрытых глаз порождает недосказанность, загадочность, тайну, мистичность, сакральность...

– Она? – улыбаясь, спрашивает Петр Алексеич.

– Она, – отвечаю, вздыхая.

Император долго рассматривает фото. Он его изучает. Он любит его им. Алексашка Меншиков стоит за спиной у Петра Алексеича и через плечо смотрит на экран своими лукавыми хулиганскими глазами. Алексашка неисправимый бабник. И потому, знает толк в женской красоте и очаровании.

– Я бы на ней женился, – заявляет Меншиков.

Петр оборачивается, смотрит на царедворца гневным взглядом:

– Не по тебе эта зазноба!

– Это почему, мин херц? Я как – никак не последний человек в российском государстве! Я как – никак Светлейший князь Российской империи, Священной римской империи и герцог Ижорский, первый член Верховного Тайного Совета Российской империи, президент Военной коллегии, первый генерал – губернатор Санкт – Петербурга, первый российский сенатор, полный адмирал, генерал – фельдмаршал, генералиссимус морских и сухопутных войск!

– Балабол ты, Алексашка! – Петр Алексеич улыбается, обнажая желтые прокуренные зубы. – Человек ты, конечно, в империи не последний. Но и не первый. Я – первый! Я бы сам на этой женщине женился! И сделал бы ее российской императрицей!

Романов пристально смотрит на меня, изучает мою реакцию:

– Возмусь отбить ее, что будешь делать, Вальдемар?

Меншиков строит мне дурацкую рожу. Он любит наблюдать за людьми, унижающимися и заискивающими перед властью предержащими. У него, Алексашки, тоже невероятная власть. Но она не от Бога.

– Голову, тебе – Ваше величество сверну, – отвечаю императору спокойным, но уверенным голосом.

– А их светлости? – Петр, усмехаясь, кивает головой в сторону Меншикова.

– И их светлости тоже!

– Ну и правильно, Вальдемар! – Петр Алексеич серьезен. – Люби и береги ее! На то мое тебе императорское благословение!..

Ему верю. Его власть от Бога!

Мы садимся втроем перед раскрытым ноутбуком. Интернет еле ворочается. Но другого нет. Я и такому рад.

– Ну, мин херц, какое у тебя дело на сто рублей?

Петр Великий отворачивает свой взгляд. Он напряженно думает. И Алексашка Меншиков становится серьезным. Он не просто сотрапезник и собутыльник императора. Он его сподвижник и соратник.

– Кто сейчас в России главный? – тихо спрашивает Петр Алексеич. – Дмитрий Анатольевич или Владимир Владимирович? Понимаешь, Вальдемар, меня россияне на том свете уже достали заботами о судьбе нашего Отечества.

Тут я надолго задумываюсь... Я человек в политике темный!

* * *

Четверть пятого утра. Небольшой сюрприз – сосед в квартире за стенкой включает электродрель. Жужжание невыносимое.

– Что это? – удивляется Петр Алексеич.

– Валерка, мент, майор с похмелья страдает, – отвечаю без злобы. – Проснулся, плохо ему. Вот он и всех достает. Чтоб не только ему, а всем было плохо.

– Ну, выпил бы, полегчало сразу бы.

– А ночные кабаки в четыре утра закрываются. Да и денег у него на выпивку вечно нет.

Сосед у меня мужик неплохой. Он добрый и ленивый, когда трезвый. Мухи он в трезвом виде не обидит. Хотя, казалось бы, и мент. И я не совсем уверен, что его зовут Валеркой. Вполне возможно он Виталька. Или Славка. Во всяком случае, на все эти три имени он одинаково откликается.

– Может, пойти и в морду ему дать? – нервничает Алексашка Меншиков.

– Нельзя, он же мент. Потом проблем надолго не оберешься. Объясняй потом следователю, что он был с похмелья и не при исполнении служебного долга.

– И долго он, подлец, так будет страдать?! – Петр Алексеич вскакивает с табуретки и начинает возбужденно ходить по комнате. Он то и дело хватается за шпагу. Глаза навывалят и горят злобным огнем.

– Да нет, минут пятнадцать.

– А потом?

– А потом сюда припрется.

– Зачем?

– Ну, а кто же его в такую рань кроме меня похмелит?

– А у тебя есть? – Петр Алексеич сглатывает слюну. – А то мы с Алексашкой тоже того маленько.

– Чего?

– Ну, с бодуна! На том свете перебрали!

Мне смешно. Но не подаю вида. Как – никак у меня в гостях сам Государь – император Петр Великий и его главный сотрапезник, собутыльник, собеседник и соратник – светлейший князь Александр Данилович Меншиков!

– Сейчас принесу, – говорю, подавляя в себе смех. – Водка сгодится?

– Анисовая?

– А хрен ее знает? Из супермаркета.

Приношу на подносе початую бутылку водки, две рюмки, два кусочка хлеба и тарелку с мелко нарезанными солеными огурцами и дольками докторской колбасы. Особых разносолов в доме у меня нет.

– А рюмки – почему две? – спрашивает Петр Лексеич.

– Так я ж не с похмелья. Мне не требуется.

Романов с Меншиковым выпивают, кряхтя дуэтом, закусывают, беря огурцы и колбасу руками.

Дрель за стеной замолкает. Зато меньше, чем через пять минут раздается звонок в дверь. Открываю. На пороге Валерка – мент. Или Виталька. Или он вовсе Славка. Хрен его разберешь. Он по пояс голый, в тренировочных штанах с пузырящимися коленками и в домашних тапочках на босу ногу.

– Выпить есть? – спрашивает Валерка, нервно сглатывая слюну.

– Проходи.

Валерка проходит в комнату и видит моих ночных визитеров в шитых золотом камзолах, треуголках и при шпагах. Выпивающих по второму разу. В Валеркиных глазах застывает кромешный ужас!

– Кто это? – тихо он спрашивает меня.

– Это Петр – I, император российский и Александр Данилович Меншиков, светлейший князь.

– А что они у тебя тут делают? – Валерка, похоже, вмиг протрезвел.

– Похмелиться зашли.

– Пора завязывать! – истошно кричит Валерка и пулей вылетает из моей квартиры...

* * *

Половина пятого утра. За окном загорается грозный российский рассвет. Петр Лексеич мрачен. Меншиков тоже темнеет лицом. Интернет еле ворочается. Но электронная почта открылась.

– Я хотел написать ему письмо, – цедит сквозь желтые прокуренные зубы император. – Меня на том свете уже достали россияне просьбами и мольбами о помощи. Поможешь, писатель?

– Да меня уже тоже достали россияне просьбами и мольбами о помощи. Но на этом свете. Пойми ты, Ваше величество, пустое это дело правителям письма писать! Толку никакого.

– Это почему же? А, может, он не знает, что в державе его творится? Может его вот такие сановники, – Романов зло смотрит на Меншикова, – вокруг пальца обводят? Может, от него правду скрывают?

Светлейший князь уводит взгляд, тихо бубня себе под нос:

– Скроешь от тебя правду, как же... Было разок, завез я гнилую сосну для корабельных мачт... Лучше бы мне в тот день было сдохнуть... Ты же меня, Петр Лексеич, тогда лучшего друга, генерал – губернатора мигом в конюхи разжаловал. За космы таскал...

– Так я же не за себя, Алексашка, радел. Я за державу старался. А ты меня, подлец, подвел! Меня – лучшего друга!

Я смотрю на них обоих и жутко мне их жалко. Такую державу они отгрохали! А что теперь от нее осталось? Огрызок великой империи! Сырьевой придаток! Нефтяной и газовый аппендикс! Стыд и срам на наши седые головы...

– Думаешь, не стоит писать? – Петр Лексеич тоже тупит взгляд. – Думаешь, и без нас знает все?

– Думаю, не стоит. Не в нем дело.

– Не в нем?

– Не в нем. Вот посуди сам. Выйду я сейчас из подъезда, и повстречается мне какой –нибудь ухарь. И даст он мне в глаз. А я не дам сдачи. Струшу или растеряюсь. И сдачи не дам. Что дальше будет?

Глаза у Петра Алексеича выкатываются из орбит и загораются интересом.

– А что будет? – спрашивает он.

– Все в округе об этом узнают и все поймут, что я – слабак. Что не могу постоять за себя. Не умею врезать обратно. Не могу дать сдачи.

– Да, так и будет, – соглашается Петр Алексеич.

– Вот и народ российский – слабак по части дать сдачи!

– Как это?

– Да вот так! Его обижают, а он смиренно терпит. Терпеливый очень народ, скажу так, никого персонально не обижая... Терпеливый до мазохизма...

– Ты так думаешь? Ты в этом уверен?

– Да, я так думаю. И я в этом уверен. Вот если бы какой – то политический деятель попытался бы отобрать хоть одно политическое право у французского, английского или американского народа, что бы с ним стало? Он бы мигом получил в глаз! Можно во Франции, в Германии, в Великобритании или в США провести политическую аферу под названием «Преемник»? Можно в этих странах так нагло кидануть свой народ? Народ это позволит?

– Ну и что делать?

– А ничего. У тебя ведь тоже, Ваше величество, прости уж на прямоту, по большому счету с реформами ничего путного не вышло. А уж как ты старался! Как за державу то радел! Окно в Европу рубил... Но народу твое радение было до лампочки! А эти, которым ты письмо хотел писать, они господа грамотные. Они господа с университетским образованием. И российский менталитет поняли правильно. Поняли, что можно бить и не получать сдачи! Вот и бьют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.